

Вольф Бирманн, диссидент-счастливчик

20 и 21 мая в театре «Эрмитаж» состоятся концерты авторской песни Вольфа Бирманна. Выступления барда из Германии организованы Немецким культурным центром имени Гете, работающим в Москве, и театром «Эрмитаж».

— Первый вопрос господину Бирманну: вы уже бывали в Москве?

— Свой первый концерт в нашем городе я дал двадцать лет назад. Он состоял в том, что я тихо пропел куплет своей песни в мавзолее Ленина. И поскольку здесь знали немецкий язык, меня поняли. Кроме того, я знакомил желающих со своими песнями на кухнях у диссидентов. Но те, кого я встречал здесь два десятилетия назад, или мертвы, или на Западе. Так что мне предстоит встреча с совершенно новой аудиторией, и место встречи не московская кухня.

В своем творчестве я иду от традиции, которую в России связывают с именем Брехта. Конечно, меня интересует политика как таковая, но политика, внесенная в песню, без конкретного человека мертва. Я никогда не пел политических лозунгов, и если бы я это делал, меня наверняка не запретили бы в ГДР. Но единственное, чего я не делаю, я не жую труп Карла Маркса. Дешевка, она — во все времена и везде — дешевка и есть.

Мои песни выросли как в Восточной, так и в Западной Германии, поскольку я подолгу жил там и там. Так что в некотором роде мое творчество можно рассматривать как наведение моста между двумя частями страны. Да и сюда я приехал, чтобы попытаться навести мост — уже между двумя нашими странами.

Я пою нормальный концерт с антрактом. Буду исполнять песни старые и совсем новые, критерий же мой в том, чтобы

я сам не заснул на сцене и люди в зале не заснули. Со мной моя гитара, и поскольку я умею играть на ней, то этого достаточно для музыкального сопровождения. Моя гитара не нянька, которая подтирает мне задницу. Она сама может петь.

— Последними словами вы, полагаю, знакомите нас с особенностями своего стиля. Ведь вы работаете в традиции авторской песни?

— Мода на авторскую песню в Германии прошла. А я остался. Хотя ни один человек не может быть полностью независим от моды. Можно и о Брехте сказать, что он шел за модой. Но, естественно, есть и другие источники вдохновения.

— Давайте поговорим о них. И поскольку вам предстоит общение с новой публикой, а это как встреча с незнакомым человеком, расскажите немного о себе для первого знакомства.

— Я родился в 1936 году в Гамбурге во время испанской войны и «московских процессов». В то время, когда к власти в Германии уже пришел Гитлер. Так случилось, что я родился в рабочей семье, в семье коммуниста. Мой отец вместе с товарищами-докерами саботировал отправку оружия из Германии для Франко, за что был арестован. Но в 1943 году, к сожалению, был выпущен. Говорю — к сожалению, потому что наряду с другими своими качествами мой отец обладал забывчивостью. В трудах и борьбе он забыл, что он еврей, как забыли об этом многие немецкие евреи. Но нацисты не забыли об этом.

Моя жизнь, как видите, с

самого начала была очень политизирована. И то, что я шестнадцатилетним ушел из Гамбурга — один — на духовную, коммунистическую, родину своего отца, было вполне естественно. Я верил, что есть страна, где идеалы, которыми жил мой отец, стали реальностью. А поскольку я действительно верил в это, моя критика в адрес партийных бонз была особенно крепкой. Мне кажется, если сравнить мои песни с песнями Высоцкого или Окуджавы, то мои были гораздо радикальнее. И иногда я думаю, что если бы в то время жил в Советском Союзе, меня просто убили бы. Но я жил в Восточной Германии, и это спасало — классовый враг был совсем близко и хорошие средства массовой информации на том же немецком языке незамедлительно сообщали, что происходило в ГДР. ГДР —

очень маленькая страна, где каждая редиска сидела на грядке под своим номером, и служба внутренней безопасности здесь принуждена была работать скальпелем, а не топором, как у вас, где можно укрыться в Сибири или Казахстане. В 1965 году мои песни запретили, но со мной власть ничего сделать не могла.

И здесь я бы сделал некое лирическое отступление о самиздате, явлении у вас слишком хорошо знакомом, а для Германии нетипичном, но тем не менее мои тексты переписывались от руки, а песни распространялись не менее надежным и действенным способом — переписываясь на магнитофонную ленту. Могу вспомнить, как двадцать лет тому назад человек двадцать сидели на московской кухне у Евгении Гинзбург, или Аксенова, или Льва Копелева, тес-

но сгрудившись, и почти залезали в очень старенький магнитофон, потому что так надеялись разобрать слова. А шорохи становились все более сильными, и шорохи, представлялось мне, были самым лучшим в этих записях, потому что несли самую интересную информацию — через сколько рук прошли эти копии с тысячной копии. В фундаментальном смысле это был политический факт высокого смысла.

Через 12 лет после запрещения моего творчества власть предрешающие решили, что дальше так продолжаться не может: вместо того чтобы тихо сидеть и засыхать на корню, я «трепыхался». И против моей воли меня выкинули в Западную Германию. Это была странная и смешная ситуация — тысячи людей, желавшие уехать, не могли этого сделать, а меня выдворили насильно. Но господствующие круги навредили сами себе, потому что движение протеста против лишения меня гражданства ГДР было столь сильным, что, по оценкам некоторых политологов, явилось вкупе с другими фактами началом конца ГДР.

Но когда я сегодня сижу в московском доме, было бы сволочизмом считать, что у меня была тяжелая жизнь. Да, конечно, большую часть жизни я прожил под страхом и давлением, но относительно страданий других людей как это можно оценивать? Я был счастливчиком. И говорю это не для того, чтобы доказать существование у меня чувства юмора.

Люди на Востоке сегодня нервничают, потому что они оказались как бы на стороне проигравших в «холодной войне» и с большим трудом понимают, что выиграли, на самом-то деле выиграли. Люди

оглядываются на старый режим, как дети в сиротском приюте ждут в обеденное время положенной еды, даже если она невкусная и даже если нужно есть с закрытым ртом.

Свободу выдерживать так же тяжело, как несвободу. Эта тема волнует и вас в России. Даже слепой с палочкой увидит бы, что это и ваши проблемы. Но я могу только приветствовать эти трудности.

Поэт и певец, у которого 12 изданных книг и 20 пластинок, рассказывает, как круг его жизни замкнулся, когда он вернулся в Гамбург. И его мать уже не боялась стареть в одиночестве. Он говорит о своих сыновьях — Лукасе четырех лет и двухлетнем Давиде. А я задаю ему вопрос: прирожденное или приобретенное у него чувство юмора?

— Естественно, я мог бы рассказать историю своей жизни как трагический роман. 20 человек из моей семьи были убиты. Но... Если бы я не сопротивлялся, они бы меня достали. И я хочу высказать некую приобретенную мной жизненную мудрость, хотя не исключаю, что многих она введет в смущение. На собственном опыте я убедился, что удары, которые наносят тебе, не самое страшное в жизни. Совсем не обязательно, что от них сломаться. К сожалению, куда вероятнее очевидность, что сломаться от тех ударов, которые ты не наносишь сам.

И последнее — это касается юмора. Вещи, о которых мы думаем, о которых поем, на самом деле очень серьезные. Но если бы мы делали это без улыбки, вряд ли были поняты другими людьми. Уж таковы мы, люди.

Беседу вела
Т. СЕРГЕЕВА.